

УДК 94(37):930(410+73)

ТРУДЫ М. И. РОСТОВЦЕВА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА В ОЦЕНКАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 50-Х–70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

П. А. Алипов

Анализируется англо-американская историография конца 50-х–70-х гг. XX в., посвященная работам выдающегося русского антиковеда М. И. Ростовцева по истории Древнего Рима. Делается вывод о том, что основные историографические оценки оставались неизменными на протяжении всех этих десятилетий, постепенно приобретая каноничный статус.

Ключевые слова: англо-американская историография, интеллектуальные построения, экономический детерминизм, научный стиль, неписьменные свидетельства, антикварианизм.

Творчество выдающегося русского историка-антиковеда М. И. Ростовцева привлекало внимание коллег ещё при его жизни, а после кончины ученого, последовавшей в 1952 г., оно превратилось в объект полноценного историографического анализа. Его концептуальные разработки оказались настолько неординарными и, отчасти, провокационными, что мимо них не мог позволить себе пройти ни один уважающий себя специалист в области древней истории, а целый ряд исследователей посвятил их разбору специальные работы [1, 201-221; 2, 721-724].

М. И. Ростовцев родился в Житомире в 1870 г. в семье потомственных гимназических учителей. По окончании гимназии в 1888 г. он поступил в Киевский университет на историко-филологический факультет, из которого через два года перевёлся в столичный Санкт-Петербургский университет. В годы, предшествовавшие защите магистерской диссертации, он стажировался в Италии (1892–1895 гг.). Благодаря собственным средствам, эта поездка превратилась в научное турне по ряду стран Европы, в ходе которого ему удалось не только набрать материал для квалификационного исследования, но и завести многочисленные знакомства с зарубежными учёными. Среди них были такие имена, как О. Бендорф, Э. Борман, М. Пру, Э. Бабелон, Б. П. Гренфел, Д. П. Магаффи и немецкие корифеи антиковедения Эд. Мейер, У. фон Виламовиц-Мёллендорф, О. Гиршфельд, Х. Хюльзен, У. Вилькен и др. В сравнительно короткий срок М. И. Ростовцев защитил две диссертации: магистерскую – «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» (1899 г.), а затем и докторскую – «Римские свинцовые тессеры» (1903 г.). В последующие годы он много публикуется и преподаёт сразу в двух высших учебных заведениях – в Санкт-Петербургском университете и на Высших (Бестужевских) женских курсах. Такая интенсивная деятельность постепенно снижала ему уважение не только в России, но и за рубежом. В 1914 г. он становится членом Берлинской, а в 1918 г. – Российской Академии наук. Однако революционные потрясения на родине вынудили его покинуть её пределы. Не получив постоянного места работы в Оксфорде, он по рекомендации крупного американского историка У. Л. Вестерманна перебирается в США (1920 г.), где преподаёт сначала в Висконсине, а затем до своей смерти в 1952 г. в престижном Йельском университете. Но и здесь, вдали от России, ему удаётся занять видное положение в обществе и в научных кругах: в 1935 г. он был избран президентом Американской исторической ассоциации. Ранее этого высокого поста эмигранты не удостоивались [3, 50-83; 4, 124-144, 5, 145-184]. Труды М. И. Ростовцева по социально-экономической истории Древнего Рима (две его многотомные монографии [6]) признаны безусловной классикой: в послевоенное время в американских вузах они использовались в качестве базовых учебников [7, 170-171].

Вынужденная эмиграция М. И. Ростовцева из России в 1918 г., стала причиной того, что на родине о его профессиональных достижениях известно намного меньше, чем за её пределами. Тем важнее теперь вернуть его имя отечественной исторической науке. Ряд шагов в этом направлении уже сделан: в последние два десятилетия коллектив авторов из Российской Академии наук во главе с Г. М. Бонгард-Левиным много работал над изучением жизни и творче-

ства М. И. Ростовцева. Результатом этих усилий стало издание двух роскошных фолиантов – «Скифского романа» [8] и «Парфянского выстрела» [9], первый из которых был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

Однако без учета накопленного за пределами России опыта изучения наследия М. И. Ростовцева невозможно адекватно оценить его место в историографии древней истории. Данная статья приобретает актуальность еще и потому, что историографических работ второго уровня, т.е. посвященных историографии историографии творчества М. И. Ростовцева, не так уж много¹. В рамках настоящей работы мы рассмотрим то, как научные концепции этого русского антиковеда, связанные с историей Древнего Рима, воспринимались в англо-американской историографии конца 50-х–70-х гг. XX в. Именно она задавала тон исследованиям в этой сфере, что вполне объяснимо: ведь и сам М. И. Ростовцев создал свои основные труды на английском языке.

В своё время нам удалось показать, что уже в первое десятилетие после смерти Михаила Ивановича в западной науке (прежде всего благодаря работам А. Момильяно [10, 91-104] и С. Доу [11, 544-553]) проявилась весьма устойчивая тенденция объяснять его интеллектуальные построения исключительно внешним контекстом. Знаменитая теория антиковеда об упадке Древнего Рима² представлялась зарубежными учёными прямым результатом психологического шока, испытанного русским историком у себя на родине при крушении того государства, в котором он прожил большую часть своей жизни – Российской империи. Тем самым научная значимость его трудов сводилась к второстепенным моментам: необыкновенному таланту привлекать археологический материал для решения крупных исторических проблем и особому дару доступно и красочно излагать свои мысли [12, 16-18]. Теперь нам важно понять, как развивалась эта тенденция в последующем.

В 1956 г. была напечатана статья мемориального характера непосредственного ученика М. И. Ростовцева – Брэдфорда Уэллса [13, 55-73], много сотрудничавшему с ним в ходе раскопок в Дура-Европос, о чём автор публикации с удовольствием сообщает читателям [13, 70-71]. Более того, работа частично базируется на воспоминаниях жены антиковеда С.М. Ростовцевой, в то время ещё живой: Б. Уэллс называет ее даже своим соавтором [13, 57, note 6]. Данная статья представляет собой довольно краткую биографию М. И. Ростовцева с параллельным изложением содержания наиболее значительных его трудов. Общее её настроение выражено в одном из высказываний американского коллеги учёного: «Ни один будущий исследователь древнего мира или исторической экономики не сможет не попасть под его (М. И. Ростовцева – П.А.) влияние» [13, 73].

Несмотря на некоторую обзорность и вытекающую отсюда поверхностность, публикация не лишена отдельных интересных замечаний, обретающих дополнительную ценность от того, что сделаны они людьми, хорошо знавшими Михаила Ивановича и входящими в его научную лабораторию, а потому имевшими непосредственное представление о творческих замыслах учёного. Так, рассуждая о самом спорном произведении М. И. Ростовцева – «Социально-экономической истории Римской империи» (далее – SEHRE – в соответствии с аббревиатурой англоязычного названия этого труда) [6], Б. Уэллс выделяет три источника, которые питали его вдохновение: это традиционная экономическая доктрина, социализм XIX в., а также «шок, который он испытал от распада того мира России, в котором вырос» [13, 67]. Однако, по мнению автора статьи, русский антиковед не симпатизировал экономическим законам и не разделял идею о том, что экономическое развитие древности обязательно сводится к образцам, обозримым в современности. Он слишком хорошо понимал сложность древнего мира, чтобы сводить всё к экономическому детерминизму [13]. Данное замечание нам представляется чрезвычайно важным, поскольку демонстрирует желание Б. Уэллса дать более многогранную оценку творчества М. И. Ростовцева, чем это было принято до сих пор, не упрощая и не схематизируя его научные концепции.

Ещё одним достоинством работы американского ученика Михаила Ивановича является попытка выстроить периодизацию творчества своего учителя. Подчеркнём: периодизацию творчества, а не личной судьбы. Он выделяет три этапа в интеллектуальной биографии русского антиковеда:

- До 1914 г. – ранний период.

- 1914–1926 гг. – разработка экономической истории древности (в 1914 г. ему предложил это сделать уже упоминавшийся нами немецкий историк Эд. Мейер, а в 1926 г. он опубликовал SEHRE).

- 1926–1941 гг. (от публикации SEHRE до издания «Социально-экономической истории эллинистического мира» [14]). Это – поздний период, который характеризуется новым подходом, основанным на изучении жизни «простых» людей и результатах раскопок в Дура-Европос, давших ему богатейший материал для исследования именно в указанном направлении.

Однако творчество М. И. Ростовцева до эмиграции остаётся для Б. Уэллса неким абстрактным «ранним периодом», в котором закладывался фундамент для будущих феерических теорий. Тот факт, что уже к концу этого этапа своей жизни он стал академиком и получил признание за рубежом, в публикации явно упущен. К сожалению, и в последующем иностранные исследователи в основном начинают научную биографию русского учёного с его отъезда за границу, практически не учитывая тридцать лет предшествовавшей этому карьеры. Такой подход может привести к серьёзным искажениям в интерпретации зарубежными историографами отдельных взглядов М. И. Ростовцева на экономическое развитие древности.

В 1960 г. Ч. Старр предпринял попытку обобщить опыт изучения истории Римской империи в историографии первой половины XX в. [15, 149-160]. Он пришёл к заключению, что SEHRE в этот период была самым известным исследованием по указанной тематике [15, 151]. Причём главной заслугой М. И. Ростовцева он считал то, что тому удалось показать профессиональному сообществу антиковедов, как можно эффективно использовать богатейший материал археологии, папирологии, нумизматики и прочих вспомогательных исторических дисциплин в своих исследованиях. По мнению Ч. Старра, нельзя недооценивать вступительное замечание русского учёного о том, что иллюстрации приведены в его монографии не для пустого развлечения. Действительно, историк, оперирующий художественными свидетельствами, должен приводить адекватные иллюстрации, поскольку нельзя ожидать от читателя знания тех произведений искусства, с которыми знаком автор труда [15, 155-156]. Таким образом, Ч. Старр подчёркивает и, более того, ставит во главу угла такое качество работ М. И. Ростовцева, как иллюстративность, закладывая тем самым историографическую традицию видеть в этой особенности творчества русского антиковеда его основное достоинство, то ядро, которое всегда будет оставаться вне какой-либо критики.

В 70-е гг. прошлого столетия дискуссии о творчестве М. И. Ростовцева по-прежнему продолжали завязываться на почве анализа его самого шумевшего и спорного произведения – SEHRE. Так, в 1974 г. появилась публикация Г. Бауэрсока [16, 15-23], снова поднимающая вопросы, широко обсуждавшиеся историческим сообществом в первые годы после кончины Михаила Ивановича. Именно в ней тема влияния на его творчество разнообразных обстоятельств биографического характера становится центральной и проходит лейтмотивом через весь текст статьи, превращаясь в главное обвинение в адрес русского учёного.

Тем не менее, Г. Бауэрсок считает необходимым в начале своей работы отметить, что SEHRE явилась одним из самых влиятельных и вместе с тем провокационных исследований классической цивилизации, созданных в XX столетии. И хотя оно не имело всеобщего признания, все без исключения специалисты осознали значимость этого труда. Даже те, кто по каким-либо причинам не любил М. И. Ростовцева, понимали, что он интеллектуальный титан, а SEHRE, несмотря на все ошибки, – это шедевр. «Сейчас, вероятно, нет ни одного респектабельного историка, который принимал бы базовый тезис книги Ростовцева. Однако мало кто поставил бы под сомнение величие его работы», – утверждает Г. Бауэрсок. Смелость антиковеда в движении совершенно новой трактовки падения Рима ошеломила и раздражила учёных в 1926 г., а объяснение этой смелости, по мнению автора статьи, следует искать в прошлом М. И. Ростовцева. Именно там корни его творческих особенностей.

Г. Бауэрсок полагает, что в университетские годы сформировались основополагающие черты научного стиля М. И. Ростовцева: пристальное внимание к филологическим деталям и убежденность в важности неписанных свидетельств при написании древней истории. Сочетание филологии и археологии помогло ему открыть новые сферы исторического исследования, освободившись от старомодного антикварианизма. Вдобавок ко всему он никогда не терял желания общаться с широкой публикой: его лучшие работы, в том числе и SEHRE, выдают

намерение сделать текст ясным для понимания любому образованному читателю, в то время как подробные сноски остаются доступными лишь для профессионалов. Оксфордский период жизни М. И. Ростовцева, по мнению Г. Бауэрсока, не имел большого значения для развития его научных взглядов, поскольку это было время вынужденного бездействия. Ученого попросту «заедали», не давая жизни и стремясь вытолкнуть за пределы интеллектуального пространства Великобритании, что в итоге у его недругов и получилось. Попав в 1920 г. в США в уже немолодом возрасте, когда всякие пертурбации переносятся тяжелее, он естественно испытал разочарование, остро переживая своё изгнание из России. В атмосфере таких эмоций и зарождается идея, которая станет доминирующей в *SENRE*. Г. Бауэрсок ни капли не сомневается в том, что эта книга «уходит корнями в ответ Ростовцева русской революции» [16, 15-18].

Переходя непосредственно к критике этого произведения, автор публикации направляет свой главный удар по основополагающему тезису работы, согласно которому союз сельского пролетариата и армии в III в. н.э. уничтожил счастливое правление городской буржуазии. «Это объяснение конца римской империи настолько неудовлетворительно, что можно только удивляться, почему такой проникательный учёный, как Ростовцев, воспринимал его всерьёз. Ясно, что он написал то, что видел: его собственная жизнь убеждала его в том, что то, что он описал, действительно произошло» [16]. Следовательно, по мнению Г. Бауэрсока, *SENRE* представляет собой соединение знаний М. И. Ростовцева, приобретённых им до 1918 г., и осмысления личного опыта после 1918 г., что привело к несовершенному пониманию событий II и III вв. римской истории. Его уверенность в союзе сельского пролетариата и армии вытекала из страха и нелюбви к солдатству и людям из деревни [16, 19].

Следует обратить внимание на тот факт, что данный исследователь творчества М. И. Ростовцева впервые выражает своё удивление и непонимание того, почему столь крупный учёный решился на своего рода авантюру, выдвинув новую теорию падения Рима, несколько экстравагантную на взгляд большинства антиковедов того времени. Ранее историографы просто констатировали отдельные параллели в его интерпретации гибели античной цивилизации и того, что произошло в России в начале XX столетия. Их не занимал вопрос, почему русский антиковед так легко «подставил себя» под шквал критических замечаний. И вот теперь впервые была подмечена странность такого поведения Михаила Ивановича. Однако дальше удивления дело не пошло: Г. Бауэрсок остаётся при том убеждении, что шок от жизненных потрясений М. И. Ростовцева так сильно подействовал на него, что он потерял всякое хладнокровие, свойственное любому трезвомыслящему учёному. Эта версия возводится в ранг некой аксиомы, для которой, как известно, доказательства не требуются, а потому их и не пытаются искать.

Перейдя к более предметному анализу монографии русского антиковеда, автор статьи останавливает своё внимание на следующих моментах. Во-первых, он указывает на неточное и слишком свободное использование таких терминов, как «пролетариат», «буржуазия» и «капитализм», а также на неправильное, по мнению Г. Бауэрсока, понимание М. И. Ростовцевым древнеримского среднего класса: то, что он называл этим термином (сенаторы эпохи Антонинов и передовые горожане из провинций), на самом деле было правящим классом с массой привилегий. Это вовсе не была буржуазия в строгом смысле слова. Во-вторых, с точки зрения автора публикации, русский учёный не учёл в своей концепции метаморфозы, произошедшие в рассматриваемый им период с сенаторским сословием, и социальную мобильность, благодаря которой, в конце концов, армия и сенат срослись, так что военные командиры на самом деле не уничтожили сенат, а наоборот, спасли его. В-третьих, Г. Бауэрсок отмечает зависимость М. И. Ростовцева от единичных литературных текстов, которые привели его к неправильной мысли об упадке Рима в III в., хотя справедливее было бы говорить не об упадке Рима, а о начале Византии. В-четвёртых, критике подвергаются методологические установки М. И. Ростовцева. Как кажется Г. Бауэрсоку, он не уделял должного внимания римскому праву и не использовал уже распространённый в его время просопографический метод. А дальнейшие исследования по социально-экономической истории древности, опубликованные после смерти М. И. Ростовцева, показывают, что его подход был скорее любительским, а сам он являлся гуманистом, а не учёным-обществоведом, так как зависел не столько от статистики (предпочитая

ей выборочное использование документов), сколько от умозрительной экстраполяции свидетельств, с которыми был знаком [16, 18-22].

Из положительных качеств, присущих его работе, Г. Бауэрсок выделяет в первую очередь «вливание» археологии в историографию: это самый значительный, на его взгляд, вклад Михаила Ивановича в мировое антиковедение. Автор полагает, что благодаря прекрасному знанию материальных свидетельств русский учёный был способен анализировать историю всех главных провинций Римской империи, а потому главы монографии, посвящённые теме «город и деревня», стали впоследствии образцом для других ученых. Помимо этого, Г. Бауэрсок обращает внимание и на филологическую подкованность М. И. Ростовцева: например, он прекрасно в скептическом духе разобрал античное сочинение «*Historia Augusta*» [16, 19-20].

Несмотря на достижения русского ученого, современная наука, по глубокому убеждению Г. Бауэрсока, пришла к пониманию того, что такое всеохватывающее исследование, какое задумал М. И. Ростовцев, в принципе невозможно, а плодотворные результаты может принести работа над отдельными темами, где источников достаточно для того, чтобы они имели необходимую репрезентативность. М. И. Ростовцев являлся последним историком античности XIX в., писавшим «большие» книги на «большие» темы. А SEHRE, полагает Г. Бауэрсок, до сих пор сохраняет свою власть учить и провоцировать нас [16, 22-23], бесспорно оставаясь непреходящей классикой [16, 19].

Итак, за несколько десятилетий, прошедших с момента смерти М. И. Ростовцева, историографическая оценка «древнеримской линии» его научного творчества, по сути, осталась неизменной. Исследователи, активно писавшие о нём, лишь углубили и развили те представления, которые сложились в 50-х гг. XX в. в работах А. Момильяно и С. Доу. Ни Б. Уэллс, ни Ч. Старр не решились пойти дальше выводов об иллюстративности и наполненности археологическими данными работ русского антиковеда как главных его достижениях. Более того, суждения Г. Бауэрсока об исследованиях М. И. Ростовцева удивительно совпадают с тем, что было высказано Хью Ластом в его разоблачительной рецензии на SEHRE ещё в 1926 г. [17, 120-128]. И использование русским учёным единичных письменных свидетельств, и вольная, расширительная трактовка отдельных экономических терминов, и подсознательная связь его концепции с личным жизненным опытом, и ввод археологических данных в историческое описание как главное достижение, и вытекающее отсюда непреходящее значение глав монографии о социально-экономическом положении города и деревни в имперский период истории Древнего Рима – все эти характеристики уже были даны Х. Ластом. Не случайно текст статьи Г. Бауэрсока содержит три пространных ссылки на его рецензию.

Следовательно, зарубежная (прежде всего, англо-американская) историография той части творчества М. И. Ростовцева, которая была посвящена истории Древнего Рима, в первые три десятилетия после его кончины сформировала достаточно цельное представление о русском антиковеде. Все, кто писал о нём, двигались в одном направлении, сообщая выстраивая единый, ставший с течением времени каноничным, образ учёного.

Примечания

¹ Наиболее серьёзным исследованием подобного рода является статья Ж. Андро [7, 166–176].

² М. И. Ростовцев полагал, что упадок Римской империи был предопределён оппозицией между цивилизацией небольшого количества развитых торговых городов и угрожающим варварством крестьянских масс. Последние, будучи основным ядром римской армии, в бурную эпоху солдатских императоров, когда их столкновения друг с другом следовали одно за другим, пользовались любой возможностью, чтобы «покушаться» с городом за свою «эксплуатацию». В результате римские города постепенно хирели, что и привело впоследствии к упадку всей античной цивилизации в целом.

Список литературы

1. Зуев В. Ю. Материалы к биобиблиографии М. И. Ростовцева // Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997.
2. Зуев В. Ю., Тункина И. В. Материалы к биобиблиографии М. И. Ростовцева: addenda et corrigenda // Парфянский выстрел / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003.
3. Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997.
4. Бонгард-Левин Г. М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман. М., 1997.

5. *Бонгард-Левин Г. М.* М. И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман. М., 1997.
6. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926 (рус. пер.: Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1–2. СПб., 2000–2001).
7. *Андро Ж.* Влияние М. И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // Вестник древней истории. 1991. № 3.
8. Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997.
9. Парфянский выстрел / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003.
10. *Momigliano A. D.* M. I. Rostovtzeff // Studies in Historiography. L., 1966.
11. *Dow S.* The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic After Thirty–Three Years // AHR. 1960. Vol. LXV. № 3.
12. *Алипов П. А.* Формирование традиционного представления о М. И. Ростовцеве в зарубежной историографии 50-х гг. XX в. // Труды междунар. науч. конф. молодых учёных «Наука и образование – 2008», 25–26 апреля 2008 г. Астана, 2008. Ч. 3.
13. *Welles C. B.* Michael I. Rostovtzeff // Architects and Craftsmen in History. Tübingen, 1956.
14. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941.
15. *Starr Ch. G.* The History of the Roman Empire. 1911–1960 // JRS. 1960. Vol. L.
16. *Bowersock G. W.* The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovich Rostovtzeff // Daedalus. 1974. Vol. 103. № 1.
17. *Last H. M.* Rev.: The Social and Economic History of the Roman Empire. By M. Rostovtzeff // JRS. 1926. Vol. 16.